

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026 Том 31, № 2

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ли Еюй</i> К вопросу о культурных взаимодействиях между Таримской и Ферганской впадинами в эпоху поздней бронзы.....	7
<i>Наджафов Ш.Н., Асадов В.А.</i> Печати и пинтадеры, относящиеся к ходжалы-кедабекской культуре: ареал распространения и особенности (этноархеологическое исследование).....	30
<i>Ковалев А.А.</i> Раннетесинские склеповые захоронения как свидетельство практики выставления трупов (по материалам раскопок кургана Аршаново-30 в Койбальской степи)	59
<i>Tuğrul S.</i> Non-Adult Burials in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion: Diachrony, Funerary Practice, and Age-Related Representation	86
<i>Фролов Я.В., Федорук А.С., Панин Д.В.</i> Бронзовые бляхи и подвески из женских погребений Староалейской культуры.....	122
<i>Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю.</i> Технология компьютерного анализа геометрии цифровых копий изваяний для автоматического распознавания изображений (на примере «оленного» камня из Тувы).....	152
<i>Дашковский П.К., Демин М.А.</i> Комплексная хронология и атрибутация артефактов из вторичных погребений могильника скифской эпохи Ханхаринский Дол (Алтай).....	169

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Слепцов Е.П., Егорова А.И.</i> Нормы предбрачного и брачного поведения женщин в традиционной культуре малочисленных народов Якутии: кросс-культурный анализ.....	195
<i>Тажетдинова Б.Н.</i> Традиции дарообмена в свадебных торжествах каракалпаков.....	212

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кольченко В.А.</i> Зороастрийские погребения Чуйской долины	227
<i>Боталов С.Г.</i> Манихейский и буддийско-индуистский комплекс в материалах протовенгерского населения Южного Урала.....	267
<i>Ван Тин, Войтишек Е.Э.</i> Распространение и развитие тибетского буддизма с VII по XIII в. (обзор по китайским материалам)	282
<i>Tsys O.P., Tsys V.V.</i> “To see the spiritual homeland of Christians”: petitions of pilgrims to the Holy Land as a source for studying social ideas of the late 19 th — early 20 th centuries	311

ДЛЯ АВТОРОВ	326
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026 Vol. 31, №2

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Li Y.</i> On the question of cultural interactions between the Tarim Basin and the Fergana Basin in the Late Bronze Age	7
<i>Najafov Sh. N., Asadov V.A.</i> Clay seals and pintaders of the khojali-gedabey culture: characteristics and the area of distribution (ethno-archaeological research)	30
<i>Kovalev A.A.</i> Early Tes' mass graves as evidence of the practice of exposure of corpses (based on the excavations of the Arshanovo-30 kurgan in the Koibal steppe)	59
<i>Tuğrul S.</i> Non-Adult Burials in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion: Diachrony, Funerary Practice, and Age-Related Representation	86
<i>Frolov Ya. V., Fedoruk A. S., Papin D. V.</i> Bronze plaques and pendants from women's burials of the Staroalely culture	122
<i>Tishkin A.A., Bondarenko S.Yu.</i> Technology of computer analysis of the geometry of digital copies of sculptures for automatic image recognition (using the example of the "deer" stone from Tuva).....	152
<i>Dashkovskiy P.K., Demin M.A.</i> Complex chronology and attribution of artifacts from secondary burials of the burial ground of the scythian era Khankharinsky Dol (Altai).....	169

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Sleptsov E.P., Egorova A.I.</i> Norms of premarital and marital behavior of women in the traditional culture of indigenous minorities of Yakutia: a cross-cultural analysis	195
<i>Tazhetdinova B. G.</i> Traditions of gift exchange in karakalpak wedding celebrations	212

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Kolchenko V.A.</i> Zoroastrian burials of the Chuya Valley.....	227
<i>Botalov S.G.</i> Manichaeism and Buddhist-Hindu complex in the materials of the proto-Hungarian population of the Southern Urals	267
<i>Wang T., Voytishek E. E.</i> Overview of the Spread and Development of Tibetan Buddhism from the 7 th to the 13 th Centuries (Based on Chinese materials).....	282
<i>Tsys O.P., Tsys V.V.</i> "To see the spiritual homeland of Christians": petitions of pilgrims to the Holy Land as a source for studying social ideas of the late 19 th — early 20 th centuries.....	311

FOR AUTHORS	326
--------------------------	-----

УДК 902/904; 299.4

DOI 10.14258/nreur(2026)2–11

*С. Г. Боталов**Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (Россия)*

МАНИХЕЙСТВО И ШАМАНИЗМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВЕНГРОВ ЮЖНОГО УРАЛА И КАРПАТСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Статья посвящена анализу изобразительных элементов ременной гарнитуры, связанных с религиозными представлениями в среде кочевников Южного Урала IX–X вв. Среди манихейских и несторианских материалов особо выделяются сюжетные линии, связанные с буддийско-индуистскими традициями. Наиболее яркими из персонифицированных образов являются: *авалоки-ташвара*; *танцующие девы* — «*апсары*»; *многорукая богиня плодородия и материнства Парвати* в позе падмасана и с цветами в руках и образ *богини смерти Кали*. Также большую серию их составляет образ *собаки шицза*, так называемой *сидящей собаки, восходящей ко льву Будды*.

Материалы из памятников Карпатской котловины времен обретения родины подтверждают наличие манихейских черт в отдельных образах (цветы смоквы, парные птички, собака шицза, несторианский крест), между тем угадываются и черты венгерского шаманизма (это образы совы, орла-сокола и водоплавающих птиц, древа жизни), что указывает на сосуществование двух религиозных горизонтов — манихейского и языческого. Эти традиции сохраняются в венгерском обществе вплоть до принятия христианства, хотя проявления отдельных из них наблюдаются и в более позднее время.

Ключевые слова: буддизм, индуизм, шаманизм, средневековье, манихейство, несторианство

Для цитирования:

Боталов С. Г. Манихейский и буддийско-индуистский комплекс в материалах протовенгерского населения Южного Урала // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 2. С. 267–281. DOI 10.14258/nreur(2026)2–11

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение» Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), Челябинск (Россия); ведущий научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург (Россия). **Адрес для контактов:** grig@csc.ac.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5319-2331>

S. G. Botalov

South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

MANICHAISM AND SHAMANISM OF THE MEDIEVAL HUNGARIANS OF THE SOUTHERN URALS AND THE CARPATHIAN BASIN

The paper deals with analysis of the pictorial images of the belt set associated with religious ideas among the nomads of the Southern Urals in the ninth-tenth centuries. The plot lines associated with the Buddhist-Hindu traditions stand out among the Manichaean and Nestorian materials. The brightest of the personified images are: *Avalokiteśvara*; *dancing maidens* — «*Apsaras*»; *the many-armed goddess of fertility and motherhood Parvati* in the padmasana pose and with flowers in her hands and the image of the *goddess of death Kali*. Also, a large series of the images is represented by *the dog Shisha*, *the so-called sitting dog*, *ascending to the lion of Buddha*.

Materials from the sites of the Carpathian Basin of the time of the acquisition of the homeland confirm the presence of Manichaean features in certain pictorial images (fig flowers, paired birds, the Shisha dog, the Nestorian cross), while features of Hungarian shamanism are also discernible. They are expressed in images of an owl, a falcon eagle and waterfowl, the tree of life. It indicates the coexistence of two religious horizons — Manichaean and pagan. These traditions were preserved in Hungarian society until the adoption of Christianity, although the manifestation of some of them can be observed at a later time.

Keywords: Buddhism, Hinduism, shamanism, the Middle Ages, Manichaeism, Nestorianism

---

For citation:

Botalov S. G. Manichaeism and Buddhist-Hindu complex in the materials of the proto-Hungarian population of the Southern Urals. *Nations and religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 267–281. DOI 10.14258/nreur(2026)2–11

Botalov Sergey Gennadievich, doctor of historical Sciences, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Eurasian Studies, Professor, Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk (Russia); Leading Researcher, South Ural Archaeological Center, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (Russia). **Contact address:** grig@csc.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5319-2331>

Введение

Буддийско-индуистская тематика в кочевнических материалах средневековья относительно недавно была раскрыта в работах различных исследователей [Король, 2008:

85–94, 137–149; Король, Наумова, 2017: 16–25, 48–50]. Анализ Субботцевского комплекса, который сегодня большинством исследователей соотносится с венграми на Среднем Днепре, позволил выявить интересную интерпретацию поясной гарнитуры: на щитке пряжки присутствовал манихейский образ Иисуса с поднятым двуперстием. Венгерский коллега Клима Ласло предложил интерпретацию еще двух изображений — *ава-локи-ташвара* и *танцующие девы* — «*ансары*». Предложенная им картография подобных находок включает Катериновку, Новониколаевку (Поднепровье), Ишимбаевский могильник (Башкортостан) и Редикорский клад (Пермский край) [Klima Laszlo, 2018: 136–149] (рис. 1.-8; 2.-1-7).

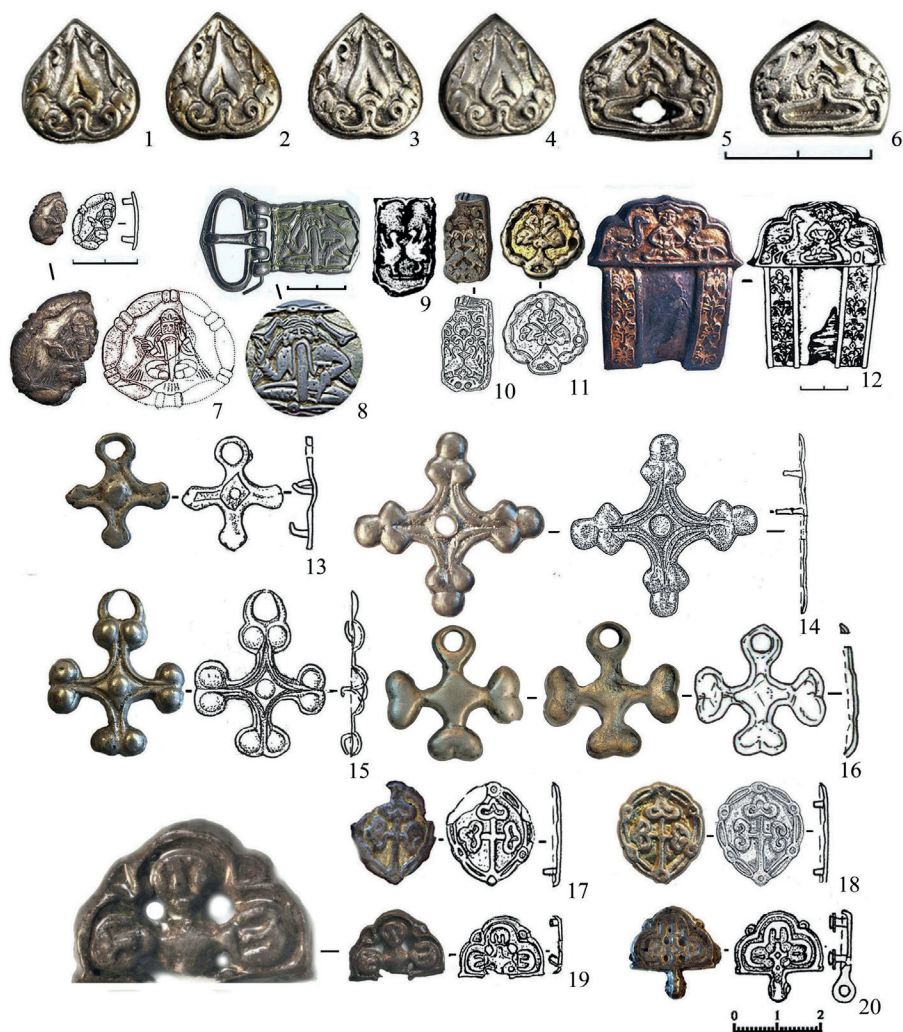

Рис. 1. Манихейская и несторианская символика в кочевнических памятниках: 1–7, 10, 11, 13–20 — погребальный комплекс Уелги; 8 — Субботцы (Среднее Поднепровье); 9 — Красная речка (Невакет, Семиречье); 12 — Зевакинский могильник

Fig. 1. Manichaean and Nestorian symbolism in nomadic sites: 1–7, 10, 11, 13–20 — Uelgi burial complex; 8 — Subbotts (Middle Dnieper region); 9 — Krasnaya Rechka (Nevaket, Semirechye); 12 — Zevakinsky burial ground

Рис. 2. Буддийская символика в урало-казахстанских памятниках IX–X вв.: 1–3 — Редикор (Пермский край); 4 — Ишимбаево (Башкортостан); 5 — Зевакинский могильник; 6 — Субботцы (Среднее Поднепровье); 7 — танцующие девы апсары (по: [Klima Laszlo, 2018: 147, fig. 6]), барельеф; 8, 11, 14–19 — погребальный комплекс Уелги; 9 — богиня Кали, Храм Хойсашвара, святилище Шантта лешвара, настенный барельеф; 10 — Баяновский

могильник; 12, 13 — богиня плодородия и материнства Парвати (по: [Король, Наумова, 2017: 49, рис. 24]; 20–22 — Карпатская котловина; 23 — местонахождение Дубровное (Тюменская область)

Fig. 2. Buddhist symbolism in the Ural-Kazakhstani sites of the ninth-tenth centuries: 1–3 — Redikor (Perm Krai); 4 — Ishimbaevo (Bashkortostan); 5 — Zevakinsky burial ground; 6 — Subbottsy (Middle Dnieper region); 7 — dancing Apsaras maidens (after: [Klima Laszlo, 2018: 147, Fig. 6]), bas-relief; 8, 11, 14–19 — Uelgi burial complex; 9 — goddess Kali, Khoysashvara Temple, Shantta leshvara sanctuary, wall bas-relief; 10 — Bayanovsky burial ground; 12, 13 — goddess of fertility and motherhood Parvati (according to: [Korol, Naumova, 2017: 49, Fig. 24]; 20–22 — Carpathian Basin; 23 — Dubrovnoye locality (Tyumen Oblast)

Анализ источников

Наибольшее количество этих тематических сюжетов были обнаружены в погребальном комплексе Уелги, где найдены четыре округлых накладки — *многорукой богини плодородия и материнства Парвати* в позе падмасана и с цветами в руках (рис. 2.-11). Очень похожие накладки в этой же позе известны на поясе из погребения 357 Баяновского могильника [Подосенова, 2018: 129–132, рис. 4, 5] (рис. 2.-10).

Еще один яркий тематический образ изображен на полиметаллической накладке из кургана 14 погребального комплекса Уелги. Судя по сюжетным элементам: меч-секира в левой руке, отрубленная голова в правой руке, черепа в верхней части накладки и сложный головной убор — это изображение другой богини — *богини смерти Кали* (рис. 2.-8, 9).

Наиболее ярким буддийским восточным стилистическим образом, обнаруженным в материалах средневековых памятников Южного Урала и в погребальном комплексе Уелги, в частности, является серия зооморфных изображений. Самое большое количество их составляет образ *собаки шицза*, так называемой *сидячей собаки, восходящей ко льву Будды* [Король, Наумова, 2017: 19–21, рис. 9, 10]. Этот универсальный буддийский образ собаки и сидящего льва встречается в памятниках Татарстана и Южного Урала, а также Карпатской котловины [Комар, 2018: 345, рис. 30–17; Халикова, Халиков, 2018: 127, табл. XIX-6; The Ancient Hungarians, 1996: 154, 6; Horváth Ciprián, 2022: 125, 72.-2; 212, 34.-3–6] (рис. 2.-14–22). Большое количество этих изображений встречены в пределах Саяно-Алтая, в этой связи мы не приводим эти аналогии, ссылаясь на авторов, уделивших этому сюжету особые разделы [Король, Наумова, 2017, рис. 9].

Большая коллекция зооморфных изображений собак, обнаруженных в памятниках Семиречья, и львов из Краснореченского и Ак-Башимского городищ относится к комплексам VIII–IX вв. [Торгоев, 2003: 285–287, рис. 20; Торгоев, 2004, рис. a1, 3B 10, 11; 015–17]. В Карпатской котловине также найдены три накладки с образом *собаки шицза* [The Ancient Hungarians, 1996: 154, 6], что явно маркирует устойчивость буддийско-манихейских традиций в среде средневековых кочевников эпохи обретения родины.

Среди артефактов, обнаруженных в местонахождении Дубровное (Тюменская область), найден бронзовый литой зажим (одна створка). В центральной его части изображение из четырех пересекающихся окружностей или эллипсов (рис. 2.-23) — это так называемый *бесконечный узел*, или «*узел счастья*». По мнению С. В. Баштанника, *бесконечный узел* — один из важных буддийских символов. Он является атрибутом бо-

гини Шриватса, персонифицирующей этот знак в ряду «восьми благих эмблем». Это символ бесконечности и интеллектуального познания и внеконцептуальной глубины Учения Будды (Драхмы) и взаимозависимости всех явлений и живых существ во Вселенной. Он демонстрирует взаимозависимость всех обусловленных вещей и явлений, проявляющихся в мире, а также единство, недвойственность проявлений и пустоты, и является одним из восьми «благих символов» буддизма, символизирует стремление к познанию тайн бессмертия, вечной молодости и красоты [Баштанник, 2019: 34].

Буддийско-индуистские образы, безусловно, дополняют материалы манихейско-несториянского круга, которые встречены в урало-казахстанских памятниках IX–X вв. Это образ пламенеющей жемчужины (рис. 1.-1–6), Мани или Иисус с поднятым двуперстием (рис. 1.-7), образ парных птиц (рис. 1.-9–12) и, наконец, образ креста (рис. 1.-13–20).

Эти реалии прозелитарных религий появляются в археологических материалах Южного Урала начиная с IX в., в тот период, когда в рамках этого региона начинают складываться этнокультурные сообщества, которые впоследствии станут основой будущих племенных союзов протомадьяр, башкир и кыпчаков.

В своих работах мы неоднократно касались вопросов существования элементов монорелигиозных представлений (несториянство, манихейство, буддизм) в среде южноуральских кочевников в IX–X вв. Как правило, основной посыл в интерпретации тех или иных материалов сводился к общеманихейской, как наиболее синкретической религии, существовавшей на тот момент (с 762 до 840 г.) как государственная в Орхоно-Уйгурском каганате. Как известно, манихейская религия способна была вбирать элементы христианско-несториянских, индуистско-буддийских и даже зороастрийских представлений [Боталов, Байогу, 2017: 98–103; Боталов, 2022: 45–64; Боталов, 2023: 76–83; Боталов, 2024: 271–289]. В этой связи все сюжеты, связанные с религиозными представлениями, рассматривались в единой манихейской стилистической традиции.

В предшествующих работах нами подробно рассматривались вопросы семантики изображений предметов мелкой торевтики, которые встречены в предметах ременной гарнитуры и украшений из погребений некрополя Уелги. Выделено несколько манихейских стилистических групп: образ пламенеющей жемчужины, несториянские сюжеты (образ Христа с поднятым двуперстием, образ парных птиц и Древа жизни), образ креста [Боталов, 2024: 271–289].

Многие из перечисленных сюжетов буддийско-индуистской и манихейско-несториянской тематики (образы собаки шицза, парных птиц, креста, цветка смоквы и Древа жизни) присутствуют не только в восточно-мадьярских памятниках Урало-Поволжья, но и в материалах памятников Карпатской котловины [The Ancient Hungarians, 1996: 73, fig. 2; 80, fig. 6; 88, 89, fig. 11, 12; 96, 97, fig. 23–25; 106, 107, fig. 41–44; 112, fig. 1; 114, fig. 3–5; 120, 121, fig. 1–2; 128, fig. 1; 132, 133, fig. 2–3; 154, fig. 6; 169, fig. 1; 174, fig. 1; 178, fig. 1; 179, fig. 1; 182, 183, fig. 1–3; 187, fig. 1; 189, fig. 9–11; 198, 199, fig. 1–3; 215, fig. 1; 217, fig. 4; 228, fig. 2; 236, 237, fig. 1, 2; 283, fig. 1; 293, fig. 1; 295, fig. 1; 297, fig. 1; 307, fig. 1; 322, fig. 1; 331, fig. 1; 342, fig. 1, 2; 375, fig. 1; 380, fig. 1; 389, fig. 1; 399, fig. 1; 401, fig. 1–3]. Это косвенным образом указывает на то, что эти религиозные традиции были привнесены венграми на запад в период обретения родины.

Однако наиболее представительной является буддийско-индуистская стилистическая группа, которая охарактеризована выше.

Несложный анализ южноуральских материалов, связанных с элементами прозелитарных религий, наводит на мысль о том, что буддийско-индуистские практики представлены наиболее информативно. В имеющихся материалах присутствует как минимум семь буддийско-индуистских персоналий и образов, что значительно больше, чем в других манихейских и несторианских религиозных линиях.

Вероятно, это, хотя и косвенным образом, но в определенной мере указывает на особое положение буддизма среди кочевников раннего и развитого средневековья. Историческая фабула указывает на то, что алгоритм сосуществования различных конфессий в манихейском пантеизме происходил на разных этапах развития и существования кочевых империй и был весьма различным. Вот что по этому поводу замечает С. В. Баштанник.

Исторический аспект

Уйгуры в середине VIII в. в значительной степени находились под влиянием центральноазиатской версии буддизма, который после завоевания Турфана в 604 г., был провозглашен государственной религией. Уйгурский каган принял титул «принца-бодхисатвы». Но в 762 г. уйгурский Бегю-каган государственной религией Уйгурского каганата объявил манихейство. Абурайхан Бирунин писал, что «веру Мани и его учение исповедует большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии». Это в определенной мере был политический шаг, так как уйгуры претендовали на контроль над Восточным Туркестаном, среди городского населения которого было много купцов — выходцев из Согда, исповедовавших манихейство. Религией коренного населения оставался буддизм. В 840 г. Уйгурский каганат был разгромлен кыргызами, которые тем не менее восприняли некоторые религиозно-мировоззренческие взгляды родственных им уйгуров. В период «кыргызского великодержавия» (IX–X вв.) манихейство распространилось до северных границ Кыргызского каганата в верховьях Енисея. О распространении манихейства в Саяно-Алтайском регионе Южной Сибири свидетельствуют археологические раскопки в долине р. Уйбат в Хакасии. Они выявили функционирование здесь манихейского религиозного центра, включавшего шесть храмов и пять святилищ стихий, причем архитектурно он был подобен согдийским сооружениям в Туве и Синьцзяне. В 90 км от Уйбатского центра в долине Пююр-сух в 1970-е гг. был раскопан манихейский храм, существовавший в VIII–X вв. [Баштанник, 2019: 35].

Действительно, на первых порах манихейство носило воинствующий характер по отношению к другим конфессиям. Оказавшись у власти, манихейское духовенство стало достаточно нетерпимо относиться к иным культурам. Это привело к тому, что кыргызы обратились к христианству, которое, в свою очередь, выступало в качестве идейной основы военного союза с карлуками. Карабалгасунская надпись, ознаменовавшая принятие кочевыми уйгурами манихейства, содержала следующие слова: «Мы были невежественны в прошлом и называли демона буддой, теперь мы уже не повторим таких ошибок».

Однако, еще в момент своего возникновения вобравшее в себя множество элементов буддизма, манихейство постепенно стало переходить к мирному сосуществова-

нию с этой религией, выражаясь в похожих почти до степени неразличимости культурных и социальных формах. Постепенно даже среди элиты Гаочан-Уйгурского государства буддизм стал играть роль не менее важную, чем манихейство [Желобов, 2012: 8].

На наш взгляд, эти процессы своеобразным способом отразились и в материалах кочевнических некрополей Южного Урала, где буддийский след в кочевнической торевтике наиболее выразителен и многообразен.

Остаются некоторые вопросы. Во-первых, насколько глубоко исповедовался буддизм в кочевнической среде? Думается, что более осознанно эти религиозные представления могли восприниматься кочевой элитой, так как приверженность той или иной доктрине в течение VIII–X вв. была значительно политизирована (уйгурское манихейство, кыргызское несторианство и буддизм). Эти религиозные течения могли проникать на Южный Урал как напрямую с Алтая, так и с Семиречья из тюркских столиц Суяб и Невкет, где до X в. существовали манихейские, несторианские и буддийские храмы и церкви. Что касается простосословного населения, то оно, вероятно, принимало различные религии спонтанно, как дополнительные яркие образы в канве ритуалов традиционного шаманизма. Во-вторых, некрополи, в которых встречаются эти знаковые вещи, связанные с монорелигиями: манихейством, несторианством, буддизмом и индуизмом, по общему мнению, соотносятся с протомадьярскими памятниками лесостепной полосы от Урала (Уелги, Синеглазовский, Ишимбаевский, Баяновский могильники, Радикор) до Татарстана и Поволжья (Большетиганский, Танкевский, Немчанка, Крюковско-Кужновский, Лядновский) и далее на Средний и Нижний Днепр (Субботцевский, Коробчино, Новониколаевка, Катериновка) и, наконец, Молдова и Карпатская котловина (Слободзея, Hortobagy-Arkus, Nogradsap, Jiszaeszlaz-Barshalom-Fenyveres). Каким образом эти духовно-религиозные представления входили в мировоззрение и идеологию будущего венгерского союза и государства и как эти практики в дальнейшем сочетались с христианскими представлениями — вероятно, это еще предстоит выяснить исследователям.

И наконец, самый главный вопрос: каким образом эти религиозные новации сочетались с языческими и шаманскими традициями древних венгров?

Исследовательский интерес к вопросам венгерского языческого шаманизма весьма велик. С середины XIX в. венгерские исследователи активно изучают этнографические данные народов Сибири и Центральной Азии с целью идентификации параллелей с венгерскими дохристианскими традициями, сохранившимися вплоть до начала XX в.

Известные венгерские ученые фольклорист и этнолог Михаил Хоппал и археолог Иштван Фодор в своих статьях, посвященных венгерскому шаманизму, приводят краткую историографию данного вопроса.

Первые упоминания о дохристианских верованиях венгров мы узнаем из хроник венгерских королей XI–XII вв. Примерно до середины XX в. происходило накопление материала в полевых экспедициях в районы Сибири и Центральной Азии. В XIX в. «романтика изучения народов» позволяет забросить некоторых из них до самых окраин Российской Империи (р. Амур — Бенедек Баратоши-Балога).

Процесс систематизации этнографических материалов начинается с середины XX в. Наиболее известной и лучшей на сей день является обобщающая монография В. Дио-

сеги [Dioszegi, 1967]. Археологические материалы по этой тематике были систематизированы известным археологом Дьюло Ласло, который, анализируя черты погребального обряда времен обретения родины, выделил важные элементы дохристианских религий [Laszlo Gy, 1944].

В результате данных исследований большинство авторов пришли к выводу, что пережитки религиозных представлений древних венгров составляют единую систему верований, которая соответствует шаманизму. Однако основные черты венгерского шаманизма имеют отчетливо выраженный гетерогенный (т.е. отличный от существующего в Сибири и Центральной Азии) характер [Хоппал, 1995: 255–259; Фодор, 2015: 119].

В контексте нашего исследования интересной будет работа Иштвана Фодора, посвященная религиозным верованиям древних венгров [Фодор, 2015]. Она построена с опорой на археологические материалы изобразительной пластики, которые были обнаружены в процессе раскопов погребальных комплексов.

Автор приводит различные образы, запечатленные в металлопластике и кости: древо жизни, орел, фантастические животные, совы, антропоморфные фигурки, небесные всадники, — и приходит к выводу, что венгерский дохристианский шаманизм относится к тенгрианству. Хотя тут же указывает, что венгерский шаманизм является некой переходной синкретической формой [Фодор, 2015]. Безусловно, солидаризируясь с основными положениями моего глубокоуважаемого коллеги о том, что приведенные артефакты и их стилистическая интерпретация как элементов шаманизма не вызывает сомнения, однако некоторые положения требуют своего дополнительного осмысления. Так, автор, неоднократно указывая на схожесть венгерского с уйгурским, тюркским и хазарским шаманизмом, при этом не упоминает, что в Уйгурском каганате с 762 г. государственной религией было манихейство, о чем уже упоминалось. В столице Западного Тюркского каганата Суябе располагались храмы, церкви и некрополи по меньшей мере трех конфессий: манихейской, христианской (несторианской) и буддийской [Кызласов, 2006]. А по упоминаниям Ибн Русте в Хазарском каганате также существовали три конфессии: мусульманская, иудейская и христианская. Возможно, это сосуществование шаманизма в непосредственном соприкосновении с носителями протестантских религий и определило ту самую гетерогенность мадьярского шаманизма?

Определившись на тенгрианском характере венгерского шаманизма, автор, тем не менее, не приводит изобразительные параллели. Попробуем это пояснить на примере орнитологических образов. В статье приводятся два примера: сова — костяные навершия посохов (Хайдудорог, Сегхалом), и орел или сокол — со сценой терзания куропаatok (Карош, Земплин, Ракамаз). К этому ряду добавим еще три артефакта с орнитологическим сюжетом: это серебряный браслет (из Tiszaeszlar-Bashalom-Fenyvespart II) с изображением парных птичек-куропаatok, стоящих по обе стороны от цветка смоквы [The Ancient Hungarians, 1996: 189, fig. 8–10], и накладки в виде лицевой части изображения болотной совы и костяное навершие в виде болотной птицы (кроншней) [The Ancient Hungarians, 1996: 263, fig. 16; 359]. Если проанализировать орнитологические образы по макрорегионам Саяно-Алтая, Сибири, Урало-Поволжья, Подонья, Украины и Карпатской котловины времен обретения родины, то выясняется нижеследующее. Орнитологический пантеон, состоящий из совы-филина, сокола-орла (в том числе со сценами терзания),

Рис. 3. Орнитологические сюжеты в мелкой металлопластике Урало-Поволжья IX–X вв.:

1 – Синеглазовский; 2, 6, 8–13 – Уелги; 3 – Пановский; 4 – Больше-Тиганский;

5 – Прыговское городище; 7 – Старо-Халиловский; 14 – Ингала; 15 – Граултры;

16 – оз. Тептярги; 17 – Байрамгулово

Fig. 3. Ornithological scenes in small metalwork from the Ural-Volga region, from the ninth to tenth centuries AD: 1 — Sineglazovsky; 2, 6, 8–13 — Uelgi; 3 — Panovsky; 4 — Bolshe-Tigansky; 5 — Prygovskoye settlement; 7 — Staro-Khaillovsky; 14 — Ingala; 15 — Graultry; 16 — Lake Teptyargi; 17 — Bayramgulovo

петушков-куропатов и водоплавающих птиц, располагается в лесной урало-сибирской зоне в памятниках с пермско-угорской металлопластикой и в Урало-Поволжской лесостепи (рис. 3). Первичная систематизация и статистика орнитологических образов Урало-Сибири в произведениях пермско-угорской металлопластики позволяет выявить три основных группы: первая включает хищных птиц (орел, беркут, сокол), подгруппу составляют сцены терзания хищными птицами человека, птиц, животных; вторая, примерно равная первой группе, — это совы, филины, и наконец, третья группа с водоплавающими (гусь, утка, лебедь) и болотными (кроншнеп, цапля) птицами.

Заключение

В настоящей статье мы не преследуем цель реконструировать мифологическое содержание данных образов, однако, заметим, что этот пантеон имел очень большое влияние на кочевое население лесостепи Урало-Поволжья и Карпатской котловины. Орел-сокол, как известно, являлся тотемом вождей, как у восточных, так и у карпатских венгров (турул — тотем арпадов), сова же в венгерской мифологии выступает как своеобразный символ шаманизма («птица душа», «птица смерти», «птица шамана») [Фодор, 2015: 122]. Орлы отсутствуют в изображениях мелкой металлопластики в регионах Саяно-Алтая и Восточного Казахстана, где преобладают фантастические птицы-фениксы, петушки и уточки [Король, 2024]. Орлы и соколы, схожие с венгерскими изображениями в так называемой геральдической позе (голова повернута вправо), появляются в Урало-Поволжье (Синеглазово, Большие Тиганы) (рис. 3.-3, 4, 6, 12, 14) и затем в большом разнообразии появляются на западе. Орлы и соколы по количеству артефактов с этим сюжетом, включая сцены терзания, занимают примерно равное место с изображением филинов и сов, что мы видим и в венгерской коллекции. Как нам представляется, означенные параллели указывают на то, что религиозно-шаманский комплекс Венгрии, равно как и Урало-Поволжья, формировался в большей мере под воздействием пермско-угорских традиций.

Вернемся к ранее означенному тезису о характере взаимодействия элементов прозелитарных религий (манихейство, буддизм, индуизм) и языческих — шаманских — традиций. Мне представляется, что эти две религиозные ипостаси при наличии антагонизма со стороны любой из сторон могли комфортно сосуществовать, поскольку их ареал социального воздействия располагался на разных уровнях. Монорелигиозные предпочтения были интересны кочевой элите, а шаманизм оставался востребованным простословным населением.

Таким образом, на Южном Урале в комплексах IX–X вв. обнаружено достаточно большое количество артефактов мелкой металлопластики, которые содержат изобразительный ряд, соответствующий манихейским изобразительным традициям: цветы и плоды смоквы, пламенеющая жемчужина, парные птицы, собака шицза, индуистско-буддийские мотивы. Нечто подобное мы фиксируем в материалах Карпатской котловины в погребениях времен обретения родины. Однако среди этих материалов содер-

жаты также артефакты, указывающие на языческий — шаманский религиозный уклад ранневенгерского общества. В этой связи анализ видового состава тотемных птиц (сова-филин, орел-сокол, водоплавающие, куропатки) указывает на явную схожесть между Уралом и Карпатской котловиной.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24–28–20283 «Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)», <https://rscf.ru/project/24-28-20283/>

Acknowledgements and funding

This work was financially supported by the Russian Science Foundation № 24–28–20283 «The world of the nomads of the Southern Urals in the context of Magyar archeology (VIII–XI centuries)», <https://rscf.ru/en/project/24-28-20283/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баштанник С. В. Буддийская символика на средневековой торевтике Южной Сибири // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 3. С. 31–38. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-3-31-38>

Боталов С. Г. Культурно-религиозные представления средневековых кочевников Южного Урала (на материалах погребального комплекса Уелги) // Stratum plus. 2022. № 5. С. 45–64. <https://doi.org/10.55086/sp2254564>

Боталов С. Г. Мировые религии и средневековые кочевники урало-казахстанских степей // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 1. С. 76–83. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.007>

Боталов С. Г. Кочевники Южного Урала и новые религиозные доктрины средневековых империй Центральной Азии // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 271–289. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.271.289>

Боталов С. Г., Байогу А. Распространение несторианства среди тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая и Южного Урала в VI–XI вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 98–103.

Желобов Д. Е. «Три религии» гаочанских уйгуров (IX–XII вв.) // Научный диалог. 2012. Вып. 9. История. Социология. С. 6–16.

Комар А. В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Martin Opitz Kiado, PPKÉVTK Régészettudományi Intézet; МТАВТК Magyar Östörténeti Témacsoport [Издательство «Мартин Опиц», Институт археологии Факультета гуманитарных и естественных наук Университета Пазмань Петера (РРКЕ ВТК); Венгерская исследовательская группа по древней истории Центра гуманитарных наук Исследовательского центра естественных наук Венгерской академии наук (МТА ВТК)], 2018. 426 с.

Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. Вып. V. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

Король Г. Г. Орнитоморфные мотивы средневекового художественного металла Саяно-Алтая и Тянь-Шаня // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. № 4. С. 317–337.

Король Г. Г., Наумова О. Б. *Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.)*. М.: ИА РАН, 2017. 128 с.

Кызласов Л. Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // *Вестник Московского университета. Серия 8. История* (2). 2006. № 2. С. 138–150.

Подосенова Ю. А. «Древневенгерские» изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // III Международный Мадыарский симпозиум. Будапешт, 6–10 июля 2016 г. (3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. Június 6–10). Budapest: Martin Opitz Kiadó — РРКЕ ВТК Régészettudományi Intézet — МТА ВТК Magyar Őstörténeti Témacsop, 2018. С. 121–136.

Торгоев А. И. О хронологии наременных украшений Семиречья // *Степи Евразии в древности и средневековье*. Кн. II: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 285–289.

Торгоев А. И. Звериные образы на ременной гарнитуре Семиречья // *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции*. Материалы тематической научной конференции. СПб: СПбГУ, 2004. С. 338–341.

Халикова Е. А., Халиков А. Х. Ранние венгры на Каме и Урале. (Больше-Тиганский могильник). Казань: Фэн, 2018. 144 с.

Хоппал М. Следы шаманизма в венгерских народных верованиях. Шаманизм и ранние религиозные представления. М.: ИЭиА РАН, 1995. С. 255–259.

Фодор И. К вопросу о религиозных верованиях древних венгров // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 6 (38). С. 119–132.

Fodor I. (ed.) *The Ancient Hungarians: exhibition catalogue*. Budapest: Hungarian National Museum, 1996. 477 p.

Klima László. Eastern religious motifs on the belt mounts of subotsi group, kushnarenkovo culture and lomovatovo culture (Восточные религиозные мотивы на поясных накладках субботцевской группы кушнаренковской и ломоватовской культур) // *Археология Евразийских степей*. № 6. 2018. С. 136–149.

Dioszegi V. *A pogány magyarok hitvilága*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 142 p. (на венгер. яз.).

Horváth Ciprián. *Honfoglalás és kora Árpád-kori sírok, temetőik és szórványleletek a Nyugat-Dunántúlon I*. Budapest: Magyarországi Intézet, 2022. 220 p. (на венгер. яз.).

Laszlo Gy. *A honfoglaló magyar nép élete*. Budapest: Magyar Élet Kiadása, 1944. 512 p. (на венгер. яз.).

References

Bashtannik S. V. Buddiiskaya simbolika na srednevekovi torevtike Yuzhnoi Sibiri [Buddhist symbolism in the medieval torevtics of Southern Siberia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2019, vol. 11, no 3, pp. 31–38 (in Russian). <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-3-31-38>

Botalov S. G. Kochevniki Yuzhnogo Urala i novye religioznye doktriny srednevekovykh imperii Tsentral'noi Azii [Nomads of the Southern Urals and New Religious Doctrines of the Medieval Empires of Central Asia]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei*

[Archaeology of the Eurasian Steppes], 2024, no 6, pp. 271–289 (in Russian). <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.271.289>

Botalov S. G. Kul' Kul'tovo-religioznye predstavleniya srednevekovykh kochevnikov Yuzhnogo Urala (na materialakh pogrebal'nogo kompleksa Uelgi) [Cult and religious beliefs of medieval nomads of the Southern Urals (based on the materials of the Uelgi burial complex)]. *Stratum plus*, 2022, no 5, pp. 45–64 (in Russian). <https://doi.org/10.55086/sp2254564>

Botalov S. G. Mirovye religii i srednevekovye kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepei [World religions and medieval nomads of the Ural-Kazakh steppes]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 2023, vol. 23, no 1, pp. 76–83 (in Russian). <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.007>

Botalov S. G., Bajoglu A. Rasprostranenie nestorianstva sredi tyurkoyazychnykh kochevnikov Sayano-Altaya i Yuzhnogo Urala v VI–XI vv. [The Spread of Nestorianism among the Turkic-Speaking Nomads of the Sayan-Altai and Southern Urals in the 6th-11th Centuries]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2017, no 4, pp. 98–103 (in Russian).

Fodor I. K voprosu o religioznykh verovaniyakh drevnykh vengrov [On the Religious Beliefs of Ancient Hungarians]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History] 2015, no 6, pp. 119–132 (in Russian).

Khalikova E. A., Khalikov A. Kh. *Rannie vengry na Kame i Urale. (Bol'she-Tiganskii mogil'nik)* [Early Hungarians on the Kama and the Urals. (Bolshe-Tigansky burial ground)]. Kazan: Fen, 2018, 144 p. (in Russian).

Khoppal M. *Sledy shamanizma v vengerskikh narodnykh verovaniyakh. Shamanizm i rannie religioznye predstavleniya* [Traces of Shamanism in Hungarian Folk Beliefs. Shamanism and Early Religious Concepts]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAN, 1995, pp. 255–259 (in Russian).

Komar A. V. *Istoriya i arkheologiya drevnykh mad'yar v ehpokhu migratsii* [History and archeology of the ancient Magyars in the era of migration]. Budapest: Martin Opitz Kiado, PPKBTK Régészettudományi Intézet; MTABTK Magyar Östörténeti Témacsoport, 2018, 426 p. (in Russian).

Korol' G. G. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii: ocherki. Vypusk V* [Art of the medieval nomads of Eurasia. Essays. Issue V.]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 332 p. (in Russian).

Korol' G. G. Ornitomorfnye motivy srednevekovogo khudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya i Tyan' — Shanya [Ornithomorphic Motifs of Medieval Metal Art from the Sayan-Altai and Tien Shan Mountains]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, and Culture], 2024, no 4, pp. 317–337 (in Russian).

Korol' G. G., Naumova O. B. *Khudozhestvennyi metall u kochevnikov (Tsentral'naya Aziya rubezha I–II tys.)* [Artistic metal of nomads (Central Asia at the turn of the 1st-2nd millennia)]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2017, 128 p. (in Russian).

Ky'zlasov L. R. Simvol kresta u manikheev i sakral'noe prostranstvo goroda Suyaba na reke Chu [Symbol of the Cross among the Manichaeans and the Sacred Space of the City of Suyaba on the Chu River]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Series 8. History]. 2006, no. 2, pp. 138–150 (in Russian).

Podosenova Yu. A. «Drevnevengerskie» izdeliya iz serebra na territorii Permskogo Predural'ya v ehpokhu srednevekov'ya [«Ancient Hungarian» Silverware in the Perm Cis-Urals in the Middle Ages]. *III Mezhdunarodnyi Mad'yarskii simpozium. Budapesht, 6–10 iyulya 2016 g.* [III International Magyar Symposium. Budapest, July 6–10, 2016]. Budapest: Martin Opitz Kiadó — PPKE BTK Régészettudományi Intézet — MTA BTK Magyar Őstörténeti Témacsop, 2018. pp. 121–136 (in Russian).

Torgoev A. I. O khronologii naremennykh ukrashenii Semirech'ya [On the chronology of belt adornments in Semirechye]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Kniga II. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. P. Gryaznova* [The Eurasian steppes in antiquity and the Middle Ages. Book II. Proceedings of the scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of M. P. Gryaznov]. Saint Petersburg: Publishing house of the State. The Hermitage Museum, 2003 [na oblozhke: 2002], pp. 285–289 (in Russian).

Torgoev A. I. Zverinye obrazy na remennoi garniture Semirech'ya [Animal images on the belt accessories of Semirechye]. *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', ehpokha, kompozitsii. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii* [Fine art monuments: style, era, composition. Proceedings of the thematic scientific conference]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University publ., 2004, pp. 338–341 (in Russian).

Zhelobov D. E. «Tri religii» gaochanskikh uigurov (IX–XII vv.) [«Three Religions» of the Gaochang Uyghurs (IX–XII Centuries)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2012, iss. 9. Istoriya. Sotsiologiya, pp. 6–16 (in Russian).

Fodor I (ed.). *The Ancient Hungarians: exhibition catalogue*. Budapest: Hungarian National Museum, 1996, 477 p.

Klima László. Eastern religious motifs on the belt mounts of subotsi group, kushnarenkovo culture and lomovatovo culture (Vostochnye religioznye motivy na poyasnykh nakladkakh subbotcevskei gruppy kushnarenkovskoi i lomovatovskoi kul'tur) [Eastern religious motifs on the belt mounts of the Subotsi group of the Kushnarenkovo and Lomovatovo cultures]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes]. 2018, no 6, pp. 136–149.

Dioszegi V. *A pogány magyarok hitvilága* [The belief system of pagan Hungarians]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967, 142 p. (in Hungarian).

Ciprián Horváth. *Honfoglalás és kora Árpád-kori sírok, temetők és szórványleletek a Nyugat-Dunántúlon I* [Conquest and Early Árpád Period Graves, Cemeteries and Scattered Finds in Western Transdanubia I]. Budapest: Institute for Hungarian Studies, 2022, 220 p. (in Hungarian).

Laszlo Gy. *A honfoglaló magyar nép élete* [The life of the conquering Hungarian people]. Budapest: Magyar Élet Kiadása, 1944, p. 512 (in Hungarian).

Статья поступила в редакцию: 10.07.2025

Принята к публикации: 14.01.2026

Дата публикации: 30.06.2026